

# КНИГЫ ВАРЛАМ

ИЗОБРАЖЕНИЕ ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ИЗ УТРЕННЯЯ ЕФИОПЬСКОЯ СТРАНЫ,  
ГЛАГОЛЕМЫЯ ИНДЕЙСКОЯ СТРАНЫ, ВЪ СВЯТЫЙ ГРАД ПРИНЕСЕНО  
ИОАННОМЪ МНИХОМЪ И МУЖЕМЪ ЧЕСТНЫМЪ И ДОБРОДѢТЕЛНЫМЪ  
СУЩАГО ОТ МАНАСТЫРЯ СВЯТОГО САВЫ

<...> Индейскаа глаголемаа страна далече бо прилежить Егупта, велика бо сүщи и многочеловечьна. <...> Бъста нѣкый царь в той странѣ именеѣ Авениръ вели бо бысть богатствомъ и силою <...> зѣло о бесовьстѣй прелести прилежа <...> Родися еѣмѣ отроца отнѣд красно <...> Иосафъ нарече еѣмѣ имя <...> Въ той же праздникъ роженне отроцяте придоша къ царевѣ изборнии мѣжи яко до пятидесять и пять, от халдѣян наученѣ мѣдростию о звѣздныхъ течений <...> Единъ же от звѣздословникъ с ними сы старѣй же всѣхъ и мѣдрѣй рече: «Яко научаютъ мя звѣзданаа теченна, о царю, поспѣшенне <...> нынѣ родившюся отроцяте твоѣмѣ не въ твое царство бѣдетъ, нѣ въ ино въ лѣчше <...> Мню же и тобою гонимѣй крестьяньстѣй вѣрѣ прияти его...»

Царь же, яко услышавъ сна, печаль бысть еѣмѣ въ веселиа мѣсто. Въ градѣ Долосѣ полатѣ създавъ осьбѣ красно <...> тѣ отроца всели по скончании перваго вѣзраста, не ишествованѣ еѣмѣ быти ничеже повелѣ, пѣстѣнѣя же и слѣгы пристави юны вѣзрастомъ и образомъ красны, запретивъ имъ ниче-же житна сего явите еѣмѣ, ни скорбна сътворити <...>, да <...> отнѣд ни хѣдымъ глаголомъ о Христосѣ и ченни его и о законѣ да услышнтъ <...>

Бысть в то время мнихъ етеръ премѣдръ о божественыхъ, житиелъ и словомъ украшенъ <...> Барламъ бѣ имя семѣ старцю. Се ѣбо откровениемъ некоторымъ от Бога бысть еѣмѣ ѣвѣдити о сынѣ царевѣ. Изъшедшю еѣмѣ ис пѣстынѣ, <...> в ризы же мирьскыя облекся и в лодию всѣдъ, приде въ царствне Индиское и створився кѣпцемъ, в град той приде, идеже царев сынъ полатѣ имаше <...> Пришедъ особъ, глагола <...>: «<...> Кѣпец есмь азъ <...> имамъ камыкъ честнын, еѣмѣ же подобие нигдѣ же не обретесе, <...> можетъ слѣпья сердцемъ свѣтъ даровати премѣдрый и глухынымъ ѣши отверзати и нѣмымъ глас дастъ <...>»

Глагола Иосафъ к старцю: «Покажи ми многоцѣннаго камыка <...> Ищю слова слышати нова и блага <...>»

И Барламъ вѣща: «<...> Бѣ бо нѣкый царь вели и славенъ, бысть же еѣмѣ шествовати на колесницѣ позлащенѣ и окрестъ его оружници, якоже подобаетъ царемъ; ѣсрести два мѣжа растерзанамы ризамы и сквернымы оболчена сѣща, хѣда же лицемъ и зѣло поблѣдѣвша. Бѣ же царь сею зная, телеснымъ си томлениемъ и постнымъ трудомъ и потомъ тѣлѣ изѣдаемѣ. Якоже ѣзри я, съскочи абие с колесница и падъ при землѣ, поклонися имъ и, вставъ, обьятъ я с любовию и лобызаа еѣ. Белможе его и князѣ негодоваша о семъ, яко недостойно царьскыя славы се створити доѣмевающимъ. Не дерзающе же пред лицемъ обличити, искреномѣ братѣ его глаголаша, да глаголетъ къ царевѣ да не досажати высотѣ и славу царьскаго вѣнца. Семѣ же си къ братѣ

глаголющую, негодующую ему тщеславна его худаго, дастъ ему отвѣтъ царь, егоже брат не разумѣ.

Обычай же бѣ тому царю, егда отвѣтъ смертный которому даяше, проповѣдники къ вратомъ его посылаше, въ трубе смертънѣй увѣдати глаголемое, и гласомъ трубнымиъ разумяху вси, яко виновать смерти тѣ есть. Вечеру же наставшю, посла царь трубу смертнѣю въстрѣбити при дверехъ дому брата своего. Якоже услыша онъ трубу смертнѣю, недоумѣваше о своемъ животѣ и размышляше о себѣ всю ночь. Утру же наставшю, оболкъся в худыя и в плачаныя одежа, купно с женою и с чады иде къ полатѣ царевѣ и ста при дверехъ, плачяся и рыдая.

Въведе же его царь к себѣ и тако видивъ и рыдая, глагола к нему: “О неразумне и безумне, яко ты тако устрашился преподобника подобнорожена ти и подобночестна своего брата, к нему никакоже весма себѣ съгрѣшивша вѣдая, како на мя зазрѣние наведе, въ смиренни цѣловавшю ми и проповѣдника Бога моего гласнѣе трубы наречествовавшю ми смерть и страшнаго усрѣтѣнна Владыкы моего, яко многа и велня в себѣ грѣхы свѣдая. Се же нынѣ твоего обличя неразумна, таковымъ образомъ замыслихъ, такоже с тобою свѣщавшимъ еже о мнѣ зазора, скоро наявѣ обличу”. И тако угодивъ брату своему и показавъ, пусти в свой домъ.

Повелѣ же царь створити ковчеги четыре от древа, два же обложи златомъ и костѣ мертвыя смердяща вложити в ня, златыми же гвозды загвозди а. Другою же двою помазавъ смолою и попеломъ и наполни а камыкъ честныхъ и бисеръ многоцѣнныхъ, всѣхъ конь благоуханныхъ исполнивъ. Власяными же обвяза и призвавъ вельможи, зазрѣвшиимъ царя от двою оною мужю смиреною сретшею, и постави предъ ними четыре ковчегы, да судятъ, коліку достойна еста златаа, коліку же осмолена. Онѣ же двою златою осудиша я къ множеству цѣны достойна еста, мняхуть бо, яко царьстни вѣнци и поясы вложенѣ в ня. Смолою же помазаная и пепеломъ малы и худы цѣны достойна еста глаголаху. Царь же глагола к нимъ: “Видяхъ азъ, яко тако вамъ глаголати, чювьственными очима чювьственный образъ разумеете, еще же не тако подобаетъ творити, нъ утренима очима внутрь лежащее подобаетъ видѣти, ли честь, ли бесщестіе”.

И повелѣ царь отворѣсти златаа ковчегъ. Отверзенома же ковчегомъ, злыи смрадъ повѣа из нею и некраснаа видѣна бысть видѣ. Рече же царь: “Се образъ есть въ светлыя и славныя оболченымъ, много славою и силою гордящимся, и вънутрь сѣтъ мертве смердящаа кости и злыихъ делъ исполнь”. Таче повелѣ отворѣсти осмолена и бекомъ помазана. Сима же отверзенома сущимъ ту вся възвеселиста о лежащихъ в нею свѣтлости, и благоухание изиде от нею. Глагола же к нимъ царь: “Весте ли, кому

подобна еста ковчега си? Подобна еста смиренныма онѣма и в худыя ризы оболченома, ихъ же вы внешний образъ видяще, досаждение въмненисте лица ею мое поклоняние до земля. Азъ же разумныма очима доброту ихъ и честь душевную разумѣвъ, тудився ею прикасанне, лучше вѣнца и лучше царскаго обдѣ честнейшая вменихъ”. Тако осрами велможа своа и научи я о видимыхъ не блазнитися, нъ и разумныхъ вниматися» <...>

Иосафъ же к нему отвѣща: «Велня и дивныя вещи глаголеши ми, о человеце <...> Что подобаетъ сътворити намъ да избѣгнѹти уготованныхъ мѹкъ грѣшникомъ и сподобитися радости праведникъ?» <...>

Барлаамъ же кѹпно отвѣщаваше: «<...> Сущемѹ бо въ неразумении Божи тма есть и смерть душевная или работати и доломъ на погыбелне естественое <...> Кому ѹподоблю и како ти образъ неразумѣющихъ предпоставлю, нъ притчу ти приложю, нѣкорымъ мѹжемъ премѹдырымъ изглаголаю ко мнѣ. Глаголаше бо, яко подобнѣ сѹть и доломъ кланяющися человекѹ липителю, иже ѹстрои въ лѣпа, ятъ единъ от малыхъ птицъ, соловей сию наричють. Прини же нож, закалаетъ ю на ядь, дастся соловьѣкъ гласъ язычный, и глагола к лѣпителю: “Кая ти полза, человекѣ, о моемъ заколении? Не возможеш бо мною наполнити своего чрека, нъ аще от сихъ ѹзъ свободиши мя, дам ти заповѣди три. Аще храниши, то велика полза ти бѹдетъ паче живота своего”. Онъ же тудивъся о глаголанію птицы, воскортъ свободитъ ю от ѹзъ. Възвративъ же ся, соловей глагола человекѹ: “Никогдаже ничтоже от неприиманныхъ начни приимати, начнеши яти, и не бѹди каися о вещи мимоходящи, и невѣрнѹ словѹ никогда ни ми вѣрѹ. Си ѹбо три заповѣди храни, и добро ти бѹдетъ”.

Гадѹся мѹжъ о добрѣ видении и о разумнемъ глаголаніи, разреши въ от ѹз, на аеръ пѹсти. Соловѣй же ѹбо, хотя ѹвѣдити, аще разумѣ мѹжъ глаголаныхъ емѹ силѹ глаголъ и аще ли наплодися кою любо ползѹ от нихъ, глагола к нему парящи птица на аерѣ: “Въздохни о своемъ несъвѣщани, человекѣ, каково бо днесъ съкровище погѹби. Ёсть бо внутреннихъ бисеръ приимѣя величествомъ струфокамиловыхъ яницъ”.

Якоже ѹслыша си лѣпитель, печаленъ бысть, каися, како избѣжа соловей тъ из рѹкѹ его, и хотя абне яти ю, рече: “Прии в домъ мой, и дрѹга створившемѹ ты добрѣ с честію отпѹщю”. Соловѣй же рече к нему: “Нынѣ ѹбо крѣпко не разумѣ. Прини бо глаголанное к тебѣ с любовію и съ сладостію послѹша, ни единая же от нихъ ползѹ стяжа си. Рекохъ ти — не каися о вещи мимоидѹщи, и бысть ти печаль, яко от рѹкѹ твоєю избѣгохъ, каися о вещи мимошедши. Глаголахъ ти — не начни от неприатыхъ приимати, и хошети яти мя, не могой приимати моего шествиа. К силѹ же и невѣрна глагола не ни ми вѣры, глаголахъ ти, нъ се верѹ ятъ, яко есть въ внутреннихъ моиъ бисеръ паче възраста моего, и недомыслися разумѣти, яко весь азъ не могоу прияти в себѣ

толико великихъ яницъ струфокамиловыхъ и како бисера толика вмѣстити имамъ в себѣ”. Тако ꙗко не разумѣють надѣющися на идолы своя <...>»

Иоасафъ рече: «<...> Хотяхъ пꙋть обрести хранити истинно и повѣлѣния Божия и не ꙋклонитися отъ нихъ...»

Барлаамъ же глагола: «...Связанъ житейскими вещми и своихъ прилежа печалии и мятѣжа и въ пищи живя... подобнѣ сꙋть мꙋжю, вѣгающю отъ лица вѣсꙋющомꙋся инорогꙋ, ꙗко не терпящꙋ гласа вѣпля его и рютиа его страшнаго, нѣ крѣпко отвѣгъ, да не бꙋдетъ емꙋ ядь. Текꙋщю же емꙋ борзо, в великъ ровъ вѣпаде. Впадающю же емꙋ, рꙋцѣ простеръ, за древо твердо ятъся, держащю же ся емꙋ крѣпко, ꙗко на степенѣ нозѣ ꙋтвердивъ, мняше миръ ꙋже есть и твердынѣ. Вѣзрѣвъ же ꙋбо, видѣ двѣ мышѣ, единꙋ белꙋ, а другꙋю чернꙋ, ядꙋща беспрестанѣ корень древа, идѣже бѣ держася, и елма же приближающися да погрызета древо. Вѣзревъ въ глꙋбинꙋ рва и змѣя види страшна образомъ и огнемъ дышꙋща и горко взирающа, ꙋсты же страшно зѣвающа и пожрети его хотяща. Вѣзрѣвъ же абне на степенъ онъ, идеже нозѣ его ꙋтверженѣ вѣста, четыре главы види аспидовы, изъ стѣны нсходяща, идеже бѣ ꙋтвердился. Вѣзрѣвъ очима, видѣ изъ вѣтвий древа того мало медъ. Оставивъ ꙋбо расмотряти одержашнихъ его напастей, ꙗко внѣꙋдꙋ бо инорогъ злѣ вѣсꙋяся искаше его на ядь, долѣ же злыи змий зѣвая да пожреть его, древо же, о немъже ятъся, ꙋже пагнися хотяше, нозѣ же на колзание и нетвердо степенѣ ꙋтверженѣ, толики ꙋбо и таковыхъ злыхъ забывъ, потща себе на сладость горкаго оногo медꙋ.

Се подобне въ прелести сꙋщимъ сего жития створившемъ. Сню истинꙋ изглаголю ти мира сего прелщающихся, егоже сказание ныне рекꙋ ти. Ибо инорогъ образъ есть смерти гоняи вынꙋ и яти послѣдствꙋетъ Адамля рода. Ровъ же весь миръ есть, исполнь сы всѣхъ злыхъ и смертоносныхъ сѣтей. Древо же, отъ двою мышꙋ беспрестанѣ грызаемо, ихъже створихомъ пꙋть есть, ꙗко жившю комуждо ядомыи гибляяи час радѣ дневныхъ и ношныхъ и ꙋсѣкновенне коренное приближается. Четырѣ же аспиды еже о прегрѣшенныхъ и безмѣстныхъ стꙋхый и съставлено человетское тѣло съставляется, идиже бещиньствꙋющемъ и мятꙋщемъ телесный раздрꙋшается съставъ. Къ симъже огненный онъ и немилостивый змий страшное изобразꙋетъ адово чрево, зѣвающю приати же сꙋщихъ красотꙋ пате бꙋдꙋщихъ блахъ изволѣша. Медвеная же капля сладость пробовляеть всего мира сладкихъ, идиже онъ прелща злѣ своя другы и оставляеть я прилежания творити о спасении своемъ <...>

Абне подобнѣ сꙋть вѣзлюбившенъ всего мира красотꙋ и сладости его насладившеся, пате же бꙋдꙋщихъ и недвижимыхъ милотекꙋщая и немощна пречестнаа изволѣша человетꙋ, три другы илꙋщю, в нихъ бо двою с любовью тꙋтше и зѣло любовию вѣспримаше,

даже и до смерти ихъ подвижаяся и ею радѣ бѣды терплю глаголаше, на третьемъ же много небрежение имаше, ни чти, ни яко достояше его сподобити когда любо чти и любве, мало нѣкое и ничесо же рещи на нь творяше дружбу.

Въ единъ от дний дойдуть к нему страшнѣи нѣции и грознии воинници, тшашеся скоростню велѣю сего вести къ царю, слово да дасть, имъже есть долженъ тлюю талантъ. Унывшю же бывшю ему, искаше помощника, да заступитъ его къ страшному цареву отвѣту, текъ же убо къ первому своему и всѣх искренѣйша друга, глагола: “Свѣдаеши, о дружбе, яко выинну полагахъ душу свою тебе ради. Нынѣ же требую помощи зъ день сей от одержашаа мя радѣ бѣды и нужа. Тако убо исповѣжь, заступиши ли мя ныня и каа от тебе будетъ ли надежа, о дружбе възлюбленне”. Отвѣщавъ убо, онъ глагола: ”Нѣсмь тебѣ другъ, человекъ, ни свѣдаю, кто ты еси, ины бо имамъ другы, с ними же ми днесъ веселитися и другыя на прочее створити. Се дамъ ти сукняницѣ двѣ, да имаеши на путѣ, аможе шествуеши, от нею же ти будетъ никакаяже полза, нноя же ни единая не чай от мене надежа”.

Сия услышавъ онъ и недоумѣваяся о отвѣтѣ семъ, еяже помощѣ надѣяшеся от него, и тече къ етерому другу и глагола к нему: “Помниши, о дружбе, колико от мене приа честь и добрыхъ чтенѣй. Днесъ же и въ печаль впадъ и въ напасть великую, требую съспоспѣшителемъ. Како убо можеши со мною потрудитися, и сихъ да разумѣю”. Другъ же отвѣща: “Се празднень днесъ с тобою потружатися, въ печалѣ бо и азъ и въ напастехъ впад, въ скорби есмь. Обаче мало с тобой пойду, аще обаче на ползу ти не буду и скоро обращаюся от тебе зде, своимъ печялами пекыйся”.

Тшала же рукама оттуду възвратився человекъ той и о всѣхъ недоумѣвая, рыдаа себѣ о суетнѣй надеже неразумныхъ своихъ другъ и непромысленъ страды своя, ихъже онѣхъ ради любве потерпи, таже иде къ третьему своему другу, емуже никогдаже створи, ни зва, и глагола к нему осрамленом лицемъ и долу зря: “Не имамъ усть развести к тебѣ, свѣдаа истинною, яко не помниши мене никогдаже добро створшю ти, аще и дружбу приложихъ к тебѣ. То зане напасть ятъ мя лютая. Никакоже весма от другъ моихъ обретохъ надежу о спасении моемъ, придохъ к тебѣ, моляся, аще есть ти възможно малу нѣкую помощь да подаси ми, не отрицайся, помня моего неразумна”. Онъже рече тихимъ лицемъ и с радостню: “Подобаеть друга своего искренняго глаголю тя суща и малое помню твое оно добродѣяние, съ прилежаннемъ днесъ въздаваю ти, изъумолю о тебе царя. Не бойся убо, ни устрашайся, азъ бо преже тебе дойду къ царю и не предамъ тебе в руки врагъ твоихъ. Дерзай убо, възлюбленне дружбе, и не буди въ скорбѣ и печалѣ”. Тогда умилкъся онъ глаголаше съ слезами: “Увы ми, како преже поплачюся о любвѣ, юже на непамятивую и неблагоприятвеную и лживу дружбу оною

ли вредоумною поплачу недоумѣвание, еже нѣ и истиннаго сего искренняго показа друга”»).

Иоасафъ же, и сего слова примѣ, чюдися, извѣтованна искаше, и глагола Варлаамъ: «Первый ѹбо другъ есть богатое имѣние, еже и златолюбезно желаніе, егоже радѣ многыя челоуекы впадаютъ в бѣды и многыя терпятъ страды. Пришедши же послѣднѣй смертнѣй коньчинѣ ничтоже от всѣхъ тѣхъ со събою възметъ, токмо еже на провоженне безуспѣшныхъ другъ. Второй же другъ нареченъ бысть жена и чада и прочаа ѹжикы и свои, тѣхже любвѣ прилѣпнѣ есмь, злѣ отринутиися и мамъ самой дѹши и тѣлу любвѣ ихъ радѣ призираемому. Каа же есть нѣкая от нихъ добродѣтельствуєтъ в час смертнѣй, нѣ токмо еже и до гроба провожаютъ, абие же обращается, своихъ илѹть печалѣ и напастѣ, не имея забыти память ли тѣло, некогда възлюбленаго погребше въ гробѣ. Третѣй же другъ есть мимотекуый временнѣй неприкосновеннѣй, нѣизбежнѣй и якоже от побѣды, иже добрымъ дѣлы ликъ пребываетъ, еже есть вѣра, надежа, любы, милостынѣ, челоуеколубие и прочихъ добродѣтельныхъ полкъ, могый предъ нами шевствовать, егдаже исходимъ от тѣла, нас радѣ помолитися къ Богу и от врагъ нашихъ насъ избавити, от злыхъ истязатель словодатне намъ горко есть на аерѣ движущемъся и яти горко искѹще. Се есть доброразумнѣй другъ и благый, иже горкое наше доброжитие в память износя, с любовию и с лихвою намъ вся отдаваа»).

Абие ѹбо Иоасафъ вѣща: «<...> ѹбо еще изобразѹй ми образъ сѹетнаго сего мира, како ѹбо кто с миромъ и твердынею сего придетъ»).

Въспримѣ же слово Варлаамъ глагола: «Послушай ѹбо и сей притчи подобне. Градъ некый великый слышахъ, егоже гражане тако обычай имяхѹ от древнихъ примати чюжа нѣкоего мѹжа, ни разумѣющю о законѣ града того, ни обычая ихъ весма разумѣющю, и сего царемъ поставиша ѹ себе и всю власть приимшю и свою волю невѣзбранимо держа, дондеже скончася едино лѣто. Таче внезапѹ в тыя дни сѹщю емѹ бес печалѣ, питающю же ся емѹ обило беспрестанѣ, мнящю же емѹ царствие в вѣкы пребывати, вѣсташа на нь и царьскѹю одежу снемше с него, нага порѹгаша по всемѹ граду, на озидѣствованне послаша его далече в великий нѣкый островъ пѹстый, в немже ни пища имея, ни одежа, злѣ стража, не надѣющю же ся емѹ пища и веселиа, абие въ скорбѣ ни чаяннѣ, ни надежа послано.

Полѣдствѹюще же ѹбо обычай гражданъ тѣхъ поставленъ бысть нѣкый мѹжъ въ царствие тоже, разѹма много и промышлениа имы в себѣ, да такоже не восхищенъ бѹдетъ, еже внезапѹ бывиши емѹ обилие ни иже преже его царствовавшимъ и злѣ изгнаноу, не печалованна, възъревновавъ печалѣ и мѹше дѹшею подвиженне. Тако ѹбо о себе добрѣ исправитъ, частого же совета истова ѹвѣда нѣкымъ премѹдрымъ

свѣтникомъ обычай гражданъ тѣхъ и мѣсто озимьствованое, якоже подобаетъ ему твердо бес прелсти увѣдати. Якоже убо сна увидѣ, яко коли любо в томъже островѣ быти ему, сущю же ему чюжю царьствна, отврѣзь сокровища своа, ихже еще въ областѣ имяше и невѣзбраньно требованне, вземъ на требованне злато и сребро и камыкъ честныхъ и велеихъ множество, вернымъ своимъ рабомъ дасть, во онъ островъ посла, идеже ему послану быти.

Скончавшюся реченому лѣту вставше граждане, якоже и на перваго царя, нага на озимьствование послаша. Прочини бо неразумни цареве злѣ въ гладѣ пребываху, се же богатства оного преже пославый въ обилии выну живяше и пищу неизвѣдому имяше, страха всего отвергъ невѣрныхъ гражданъ онѣхъ, мудрою ихъ хваляше добраго свѣта.

Град убо разумѣй суетнаго сего мира. Гражданѣ же начялствне и властѣ бѣсовъ миродержца тмѣ вѣка сего, лбстящемъ насъ сладкымъ исправлениемъ, яко нетлѣнное вкладающемъ размышляти намъ тлѣнныхъ и мимотекущихъ, якоже въ вѣкы пребывати снами и бессмертна всѣмъ пребывающимъ въ сладости. Тако убо отложившемъ намъ и никакоже о великихъ онѣхъ и вѣчныхъ свѣтокавше напрасно придетъ на ны погыбелне смерти. Тогда бо, тогда нагыя насъ отсюду злѣ и горци помше граждане тмѣ, яко онѣ все время свое пребыша, воять “в землю тмы вѣчныя, идеже нѣсть свѣтъ, ни видити житна человетьскаго”, ни свѣтника блага, истовыхъ всѣхъ показавшемъ и спасенаа наутивше начинания к мудрому царю, мояя приймай малыя низости, яко благый путь и несоблазненный показати ти придохъ въ вѣчныхъ же и бесконечныхъ въводя <...>

Притча о иноми царѣ и о убагомъ. Слышахъ бо царя нѣкоего быкыша, зѣло добрѣ сматряюща своего царствна, кротокъ же и милостивъ под нимъ сущемъ людемъ. Силь бо единимъ блазнимъся, якоже не имать богоразумнаго просвѣщенна, нѣ блазнию идольскою диржимъ бяше. Имяше же нѣкоего свѣтника блага и всякымъ украшена еже к Богу благочестие и прочее всею добродетѣлною премудростию, печалүся и скорбя о прелщенни царевѣ и хотя его о семъ обличити. Удержашется от таковыа вещи бояся да не залу съходатай себѣ же и своей дружинѣ бѣдетъ и бываемѣй имъ многымъ на ползу үсѣкнетъ, обаче же искаше время доброүгодное да привлечетъ его на благое.

Вѣща убо единою въ днѣхъ царь ношню к нему: “Приди да изыдеѣ и походи мѣ по граду, егда что на ползу үзрѣмъ”. Ходящема же имя по граду видиста свѣтлу зарю от оконца сияющю и к тому оконцю оти преложивша, үзрѣста под землею мѣсто, яко вертепъ жилище, в немъже сѣдяще мужъ въ послѣднѣй нищетѣ живяху и худыми рѣбамъ оболчена. Предстояшетъ же ему жена его, вино терплющи ему. Мужю же чашю принимашю сладкою пѣснь поющи, веселне ему творяше, пляшущи и мужевѣ похвалами



хвалящи. Окрестъ же царя сущи в часъ вели сна слышащю чюдншася, яко в такой тяжьций нищеть сущема, яко ни долу имѣюща, ни ризъ, такыиъ веселомъ житиемъ пребывашета.

И глагола царь к первому совѣтнику своему: “Оле чюдо, друже, яко мнѣ и тебѣ никогда наше житие тако изволѣ в такой славѣ и пиши снающема, яко худое се каинное житие таковых и неразумныхъ насладити и веселити тихимъ и веселъ острый сей ненавидимаа жизнь является”. Удобный же часъ принялъ, первосовѣтникъ глагола: “А тебѣ, царю, како таковыхъ является житие?” Рече царь: “Всѣхъ, елико когда видѣхъ, нелѣпын и тяжкын насмисана же и безыравна”. Тогда глагола к нему первопервосовѣтникъ: “Тако үбо добрѣ разумѣй, о царю, и болма разлѣмо естъ наше житие үчителей видящимъ вѣчное оногo житиa и славу всѣхъ үбо превосходящихъ благъ, а нже домоуе блещашимъся златомъ и свѣта и одежа и прочаа пища житиa сего подзери еже и омраченна сүть очима некрашьшее видѣвшинимъ неизвѣщанныхъ добротъ сүщихъ на небесе нерүкодѣланныхъ күщъ и боготканныа же одежа и нетлѣнный вѣнецъ” <...>

Слышахомъ үбо, глагола Варламъ, сему царю благочстиво и вѣрно живша на прочее и без буря шествовавша и сүщаго житиa прешедша, бүдүщаго же житиa не үполүчивша блаженства». <...><...> Ноасафъ глагола къ старцю: «<...> Понимъ же мя с собою и изыдевѣ отсүдү <...>»

Глагола же Варламъ к нему. «Младенець серний питаше нѣкый от богатыхъ. Възрастши же ей пүстыни желаше видити, роднымъ обычаемъ влекома. Ишедши үбо единою, обрете стадо сернъ пасомо и держашеся ихъ, пребываше в пажитехъ селныхъ, вѣтеръ же обращаешеся в долу, идеже баше вѣспитана, күпно же пакы наүтрѣа исходящи непризираннемъ слүжаше о ней и с дивными въ стадѣ пребывающи. Стадү же далече пришедшю пасүщеся послѣдова же и та с ними. Богатаго же слүги се ошютивше, вѣсѣдавше на конѣ, погнаша вѣследь ихъ, свою бо үловивше, вѣзвратишася, оттолѣ не исшествовати ей прочее створиша, прочее же стадо овы избнша, другыа же злѣ разгнаша, үзввивше. Сидже образомъ боюся, да не бүдетъ на насъ, аще съ мною послѣдствоватьи илаши, да не излѣшен бүдү твоего сүжителствиа и многомъ зломъ ходатай бүдү другомъ момъ <...>»

<...> По отшествии Варламовѣ <...> Ярахия <...> яко второй от царя <...> саномъ, вѣща: <...> «Азъ старца свѣдаю единого пүстынника, Нахоръ нарицаемъ, подобникъ Варламу всимъ... нашея веры <...> и үчителя моего въ үчении бывша <...> Сего поставимъ яко Варламъ именовати его <...> Таче многимъ со прѣннемъ побѣждаемъ весма побѣженъ бүдетъ. И сна видя царевъ сынъ, яко Варламъ повежѣнъ бысть, <...>

прелстивша его истовьствуєть <...>». <...> Тогда бо повелъ царь всѣмъ собратися идолослужителемъ и хрестияномъ... Въведенъ же ѹбо бысть Нахоръ въ Барлама мѣсто отвѣщавати <...>

Глагола царь к вѣтнямъ своимъ и премудрымъ: «<...> Се бо подвигъ предълежитъ <...> подобаетъ бо которому быти днесь в нас или наша ѹтвердити, блазнитися Барламомъ и иже с нимъ. Яще же обличите я, то <...> вѣнци повѣдными вѣнчаномъ быти. Яще ли повѣженъ будете, <...> злою смертию ѹмретъ». <...> Сынъ его ...явлениемъ ему от Бога спомъ... превращение разумѣвъ... глагола къ Нахору: «<...> Яще ли повѣженъ будеши <...> руками своими сердце твое и языкъ твой искоренивъ, посомъ на снѣдь снѣ съ прочимъ тѣломъ твоимъ дам, да ѹстрашатся вси тобою не прелщати сыны царевы». Снѣ глаголы ѹслышавъ, Нахоръ ѹнылъ бысть зѣло и осрамлен, видя себе впадша в ровъ, иже створи... Размысливъ ѹбо себе приложитися паче к цареву сыну и его вѣру ѹтвердитъ <...> отверзъ уста своа, якоже Баламъ оселъ яже непреложнаа рещи та изглагола, и глагола къ царю:

«Язъ, царю, прилежаниемъ Божиемъ приидохъ в миръ и видивъ небо и землю и море, солнце и луну и прочая, чюдихся красотѹ сихъ. Видивъ же всего мира и сущая вся в немъ, яко нужею и движема сѹть, разумѣхъ движащему и одержащю я естъ Богъ. Все бо подвижаа крѣпкое естъ движемаго и одержителнаго крѣплѣе держимо естъ. Тому ѹбо глаголю Богъ естъ въставивъшему вся и одержащему, безначална и вѣчна, бессмертна и не требѹя ничтоже, вышѣ всѣхъ грѣховъ и прегрѣшений, гнѣва же и забвение и творимаа недоумѣванне и прочаа. Всяческая имъ составлена быша. Не требѹетъ ни жертвы, ни требнища, ни всихъ видимыхъ, вси же его требѹють.

Снѣ тако глаголана о бозѣ, якоже во мнѣ влѣсти о немъ глаголати, придемъ же от человетческаго рода яко да видимъ, которѣи ихъ держать истинну и которѣи соблазнъ. Явѣ бо естъ нам, о царю, яко три родѣ сѹть человетестни в семь мирѣ, в нихже сѹть поклонители вама глаголемыхъ богъ, нюдеяне, хрестияне. Тѣ же пакы, иже многыа чтяще богы, на три роды раздѣляются, на халдѣяны и на еллины и на егѹптяны, си бо быша начальници и ѹчителе и прочимъ языкомъ, многиименныхъ богъ служители. Видимъ ѹбо, которѣи ихъ держатся истинны и которѣи прелсти.

Ибо халдѣяне, иже не вѣдающе бога, прелщенъ быша послѣдовати стихий и начаша честити тварь паче створившаго ихъ, ихъже образъ нѣкоторыхъ створше, нарекоша от изображения небеснаго и землянаго, и морю, солнцю же и луне и прочимъ стѹхнамъ и звѣздамъ и поставивше я в капищехъ, кланяются, богы наричюще, ихъже и стрегутъ с твердию да не ѹнырими бѹдутъ от разбойникъ, и не разумѣша, яко стрѣгий вяще строгомаго естъ и творяй творимаго естъ, небо аще невозможенъ бозѣ ихъ о своемъ

спасении, како инѣмъ спасение даровати имуть. Блазнию бо великою соблазнишася халдѣяне, чтяще кумиры мертвеца и не позна я. И диковати ми ся хошетъ, о царю, тако глаголемии премудри ихъ не разумѣша, яко и та стухна тлѣми суть бози, како кумиры, яже створена в честь ихъ, бози суть.

Придемъ убо, царю, и на сна стихна, яко да явнмъ о нихъ, яко не суть бози, но тлѣма, измѣняема, от небытна въ бытие створена повелениемъ истиннымъ Богомъ, иже есть нетлѣемый, неизмѣнѣемый и невидимъ, самъ же всяческая видитъ и якоже хошетъ именуетъ и прелагает. Что убо глаголемъ о стихняхъ?

Мняще небо есть богъ блазняться. Видимъ бо его прелагаема и нужею движема и многими уставлена, имжеже красота же строй есть нѣкоего художника, устроено же начало и конецъ имы есть. Небо движется нужею светилома своимъ, ибо звѣзды чиномъ и преступлениемъ водими суть, знаменна въ знамение, ови бо заходятъ, и друзини же восходятъ и по вся лѣта шествование творять да совершать жатву и зиму, якоже повелѣно имъ есть от Бога, и не преступаютъ своихъ повелений по разрушению естествою нужею с небесною красотою. Тѣмъ явѣ есть, яко нѣсть небо богъ, но дѣло Божие.

Мнящен же землю есть богъ либо богыню, и тии соблазнишася. Видимъ бо ю человеки досажаетъ и обладаетъ, и возмѣшаетъ, и копаема ими, и неключима бываетъ. Яще бо испечена будетъ, то мертва будетъ, ибо от скудѣли прозябаетъ ничтоже. Еще же наипаче мочима будетъ, тлѣется и сама, и плодъ ея. Топчетъ же человеки и прочихъ скотинъ, кровию убивеныхъ оскверняется, рыема наполняется мертвыхъ телесъ ковчегъ бываетъ. Силь такому сущемъ не подобаетъ земли богыни быти, но дѣло Божие на требование человекомъ.

Мнящен же воду бога суща облазнишася. И та бо на требование человекомъ бысть и одаляема ими, оскверняется и тлеема есть, измѣняется варица и вапы же размесима, и студеньствомъ мразица, и кровию оскверняема и на нечистоту всякую на омывание и на опирание носима. Сего радѣ невозможно водѣ быти богомъ.

Огнь бо бысть на требование человекомъ и одаляемъ, и мимносимъ от мѣста на мѣсто на варитву и на печитву всякимъ мясомъ, еще же и мертвыми телесы. Тлѣемъ есть и многими образы от человекъ огашаемъ есть. Сего ради не подобаетъ огню богомъ быти, нѣ дѣло Божие.

Мняще же человека суща бога блазняются. Видимъ бо его движема нужею и питуема, и състарѣющася, и не хотящу ему. И когда бо радуется, когда же печаленъ будетъ, требуя пища и питна и одежда. Сущю же ему гнѣвливу и невниму, небрегомю и прѣгрѣшенна

многа и мѹща, гиблема же многими образы от стихий и животинами, и от предлежаща смерти. Неподобаеть ꙋбо человеку быти богомъ, но дѣло Божие. Блазняются ꙋбо и прелестию великою прелещени быша халдѣяне, послѣдꙋюще желаниемъ своимъ. Вѣрꙋють бо во тинмаа стꙋхиа и мертвыхъ кꙋмиръ и не разꙋмѣюще сна боги творять.

Придемъ ꙋбо къ елиномъ, что ти домышляются о бозѣ. ꙋбо елинии премꙋдри глаголюще сꙋщи ꙋродѣви быша, хꙋжьше халдѣянъ, приводяще богомъ многомъ бывшемъ мꙋжскихъ полъ, другыя и женскихъ полъ всяческыми грѣхи и всякы дѣлы беззаконными. Тѣмъ смѣшенныхъ и ꙋродивыхъ и нечестивыхъ глаголъ въведоша елинии, о царю, не сꙋщихъ богъ нарекоша боги по желанию своему зломꙋ, да сꙋперники сна и мꙋтъ от злыхъ дѣяний и о злобѣ, прелюбы творят, въсхыщаютъ, прелюбодеяние съ ꙋбийствомъ кꙋпно творять. Ибо бози ихъ таковаа створиша. От таковыхъ ꙋбо начинания прелестныхъ ключися человекомъ брань и мѣти и крамолъ частыхъ и закалание, и ꙋбийство, и пленение горкое. Нъ и по единому богомъ ихъ ꙋзриши безмѣстие и сквернаа дѣла ихъ, яже быша ими.

Преже всѣхъ богъ бысть имъ Кронъ, и семꙋ жертвꙋ творять своя чада, иже имѣяше детищъ много от Рее жены, и възбесився изыдая чяда своя. Глаголють же ꙋрѣзати истеса своя и въврещи в море, тѣмъ Афродѣи бысть лжа. Связавъ ꙋбо своего отца, Зеꙋсъ вложи его въ тинение. Видиши прелестъ и блазнь, и скверное зазрѣние ихъ, и блꙋдъ, егоже воводять на богъ свой? Подобаеть ли и богꙋ связаному быти истесомъ ꙋрѣзана? Оле нераꙋмие разꙋма имѣющимъ сна имаеть изглаголати.

Вторый же въводи мъ есть Зеꙋсъ, емꙋже глаголють царствовакша богомъ ихъ и преобразатися во животины, яко да прелюбы творить с мертвыми женами. Въводять сего преобразившюся въ юнецъ къ Европини, а въ золото къ Дананинѣ, или косткованикомъ къ Антиопии, и въ градъ къ Емелинии. Таче быти от тѣхъ женъ чада многа, Диониса, и Зифона и Афиона, Ираклина и Аполона, и Артемина и Персѣяна, Кастера же и Елина, Поледевкки и Миноя, и Радаманфина, и Сарпидона, и девять дщерей, ихъже нарекоша богынѣ. По семьже вводятъ яже о Ганимидинѣ. О царю, человекомъ подобятися снимъ всимъ и быти прелюбодѣйцемъ, и ко мꙋжескому полꙋ бѣсованне, и иныхъ злыхъ дѣлъ дѣлательемъ по подобьствию бога ихъ. Како ꙋбо довлити богꙋ быти прелюбодѣяннику и къ мꙋжескому полꙋ похотника ли отцьꙋбийца?

Съ сими же Ифестона нѣкоего приводятъ бога, держаща млатъ и клѣщѣ и кꙋющꙋ пищѣ радѣ. ꙋбо требꙋет ли богъ, иже не подобаеть богꙋ си творити ли ꙋ человекъ просяща?

Тате Ёрмня въводятъ бога суща, желателя и тати, и хыщника, и вълъхва, и сүхорүка, словесемь толковати, еже не долететь богу быть таковымь.

Асклипия же въводятъ бога суща и врача, и стронтеля былинемь, и помазателя пищи ради, проситель бо бѣ, послѣдъ же поражену ему быти Диемь Дара ради Лакодемонова сына и үмрети. Яще Асклипий богъ сый пораженъ не возможе себѣ помощи, како инѣмъ помощи можетъ?

Арѣй же въводится богъ сы воиникъ и ревнитель, и желатель скотинамъ и иному пленению, послѣди же ему прелюбодѣяние створившю съ Афродитиею, связану ему были от дѣтищю Ёротомь и Ифестом. Како үбо богъ бысть желатель и воиникъ, связанъ и прелюбодѣиць?

Деониса же воводятъ бога суща, на нощныя праздникы вводя и үчителя пианьствию, и исхытающа искреныхъ своихъ женъ, и бѣсүющася, и бегающа. Послѣди же үбиену быти от титанъ. Яще үбо Дионисъ от үбийства себѣ не возмоглъ помощи, нь бѣсүяся бысть пианица и бѣгатель, како бысть богъ?

Ираклея же воводятъ бога суща. Упившюся ему бѣсоватися и чада своа закалати, тате огнемь съжену быти и үмрѣти. Кака үбо богъ бысть пианица и чадоүбийц и съженъ, како ли инѣмъ помощи хощеть, себѣ помощи не возмогый?

Аполона же въводятъ бога суща, ревнителя еше же и стрелца и түль держаща, овогдаже гүдүща и пѣснотвора, и волхвүюща человекомъ мзды ради. Убо проситель есть, якоже не подобаетъ богу просителю быти и ревнителю и гүдцю.

Артемю же воводятъ, сестрѣ его сущи, ловящи и лүкць илүщи с түломъ, и сей ристати по горамъ единой со псы, яко да үловить елень ли инорогъ. Како үбо есть богыни таковая жена и ловителница, рищющи со псы?

Афродитию же глаголють и си богыни сущи, прелюбоденца, овогдаже имяше прелюбодѣйника Арина, овогдаже Анхисина, овогда же Аданина, егоже искаше, смерть плачющи рачителя своего, иже глаголють, и въ адъ съшедъшю, яко да искупить Адонона от Персефонъ. Видѣ ли, о царю, вящща сего безүмна, богыни воводити үбийци, прелюбодѣици, рыдающи и плачющи?

Адона же воводятъ бога суща, ловца и злою смертию үмрѣти, үязвѣна от сына и не могша помощи окаяньствию своему. Како үбо человекомъ прилѣжанне сътворити можетъ прелюбодѣйникъ и ловець и злосмертный?

Сия вся и много таковыхъ, много множайша и сквернейша и злѣйша въведоша еллини, царю, от богъ своихъ, ихъже понстѣнѣ недостонть глаголати, ни в память приносить.

Тѣмъ приемише человеци таковыя вины отъ богу своихъ творяху всякого безаконна и скверненое зазрѣние и бесчестие, оскверняюще землю и воздухъ злыми своими дѣянии.

Египтяне же безумнѣйше и неразумнѣйше сихъ, уродѣвѣйше суще языкъ всѣхъ облазнилишася, ибо не доволнѣ быша халдѣйсти и елинѣстѣй вѣрѣ и поклонянию, нѣ еще и неразумныхъ скотинъ въведоша, боги наричаще, земныя бо и водныя, и древа, и зела, всякимъ бѣсовѣствомъ и сквернымъ зазрѣниемъ хужьше всѣхъ языкъ, сущихъ на земли. Изначала бо вѣроваху въ Исону, и мѹщи мужа и брата Осерна именовъ, заколена братомъ своимъ Түфономъ, и сего ради бѣгаетъ Исидъ съ Оромъ сыномъ своимъ увидивъ сурѣстѣй, ищущи Осиридъ и горко рыдающи, дондеже възрасте Оръ и убивъ Түфона. Да не возможе Исидъ помози брату своему ни мужю, ни Осирю убивемъ Түфономъ возможе заступити его, Түфонъ же братоубийца, погубляемъ Оромъ и Исидомъ, не можетъ себе избавити отъ смерти. Таче таковымъ бытиемъ вѣдоми суще ти бози отъ неразумныхъ египтянъ вѣмѣнии быша и не о сѣхъ еже доволнѣ быша ли прочинихъ вѣрѣ язычныхъ и неразумныхъ скотинъ въведоша боги суща, нѣ неци отъ нихъ овцамъ, и ни же козломъ, етерѣи же телцемъ и коркодилу, зми и псу, и влѣку, и курицы, и тряпску, и аспиду, и лүкүду, и плейму, и чесновитку, и неразумеша, окаянии, о всѣхъ сихъ, яко ничтоже могутъ.

Придемъ убо, о царю, и къ иудеомъ, яко да видимъ, что мыслять о Бозѣ. Си бо Аврамова ишадна и Исакова и Яковля, сүть пришѣльствова въ Египетъ, оттүдѣже изведе я Богъ “рукою крепкою и мышцею высокою”, Моисѣемъ законодавцемъ ихъ и чюдеса многыи и знаменемъ показана имъ свою силу, нѣ неразумнѣи явишася и непохвалнѣ, и многожды служаша языческу поклонянию и вѣрѣ, и посланымъ къ нимъ пророкы и праведники и збвиша. Таче яко изволѣ Сынъ Божий прити на землю, негодовавше на нь, предаша и Пилатү игѣмонү римскому, и осудивше, распяша и, не постыдившѣмъ добродѣтельствна его и бесчисленыхъ чюдесъ, ихъ въ нихъ сътвори. И погыбоша своимъ безакониемъ, вѣрюще бо и нынѣ Богу единому Вседержителю, нѣ не с разумомъ, Христа бо отмѣтаются сына Божна, и сүть безаконици. Силь бо егда како приближатися истѣнѣ мнать, отъ неяже удалишася. О иудѣехъ бо тако есть.

Крестияне же родословятъ поченъше отъ господи Исуса Христа. Сеже Сынъ Божий вышняго исповѣдаемъ есть, Духомъ Святымъ с небесе сшедъ спасения ради человечьскаго, отъ Девы святыя рожься безъ сѣмени же и безъ истлѣния плоть въсприимъ и явися человекъ, яко да отъ многобожныя прелести възвратити человекы, и кончавъ дивнаго своего смотрения и распятиемъ смерть вкүси волю свою смотрениемъ великимъ. По трехъ же днехъ въскресе и на небеса взиде. Егоже слава пришествна его отъ самехъ христианъ нарицаемое евангельское Писание подобаетъ ти разумѣти, царю, аще бесѣдовати хоцещи разумети. Се Христосъ 12 имяше ученикъ, си по вознесенни его еже

на небеса изидоша в начальствие всея вселенныя и научиша величества его. Единъ же от нихъ приде в нашу страну повеление проповѣдаа истинны. Тѣмъ еще на службу оправданнемъ проповѣданнемъ ихъ нарицаются крестияне, паче всѣхъ языкъ обретше истину. Свѣдаютъ бо Бога творца и съдѣтеля, имъже всяческаа быша Сыномъ единочядымъ и Духомъ Святымъ. Иного бога паче сего не чтятъ, ни кланяются, имѣють же заповѣди гопода Исуса Христа въ сердци ихъ написана, тыя храняще, чяють въскресение мертвымъ и жизнь будущаго вѣка. Не имуть прелюбодѣяти ни любодѣяти, не лжесвѣдительствоють, не вжеляють чюжаго, чтутъ отца и мать и искреннихъ другъ, праведно судя, елико не хотятъ себѣ имъ да бѣдетъ, и иному не творять, обидяща ихъ призываютъ тѣшаше и другы себѣ творять, на добродѣтельствиа тшаться; кротци суть и милостивни; от всякого сѣтанна безаконна и от всея нечистоты въздержаться; вдовици не презрятъ, сиротамъ скорби не творять; имяя немлющиму безъ зависти подаваеъ. Странна аще үзрятъ, под кровь воводятъ и радуются о немъ яко о братѣ истѣннѣмъ, ибо не по плѣти ихъ братию нарицають, нъ сердцемъ и душою. Готовѣ суть Христа ради душа своя предложить; повеленна же его твердо хранят, преподобно и праведно живуще, якоже Господь богъ имъ повелѣ, благодарствующе его въ вся часы о всякой пищи и питии и прочныхъ благъ. Поистинѣ үбо тѣ есть истинный, еликоже ихъ шествуютъ по немъ, рүководствуетъ въ вѣчное царствие, обѣтованүю Христомъ в будущую жизнь.

И да вѣдай, царю, яко не о себѣ сна глаголю, приклонився въ книги крестиянскы, обрящеши ничтоже, кромѣ истинно мя глаголюща. Добрѣ үбо разумѣ и сынъ твой, поистинѣ научи службу истинному Богу и спасися в будущий вѣкъ шествующү емү. Яко велиа бо и чюдна хрестияны глаголемая и творима, ибо не человетьскыхъ глаголѣ глаголють, нъ Божиа. Прочни же языцѣ блазнятся и блазнятъ себе и слүшающимъ ихъ, шествующе бо во тмѣ падуть самѣ, яко пиани сүще. Доселѣ к тебѣ мое слово, о царю.

Иже поистинѣ разумомъ моимъ изглаголана, сего ради да үмолкнүть неразумнии твои премүдри, в пүстошь бо глаголють на Господа. Подобаеъ бо Бога Творца чтүще и кланяющеся и нетлѣнныхъ его глаголѣ внүшити, да суда избѣгше и мүкъ, жизни негыблющиа явитесь наслѣдници».